

Е. В. Калинова
Архангельск, Россия

**СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИЙ СУБЪЕКТНОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ МОНОГРАФИИ БОБО ЛО
«RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET ERA — REALITY, ILLUSION AND MYTHMAKING»)**

АННОТАЦИЯ. Плюрализм гуманитарного знания в целом и исторической науки в частности ведет к возникновению дискуссий об их научности и объективности. Несмотря на существование критериев научности текста, сложно говорить об абсолютной объективности представленной в нем информации. Это обусловлено тем, что в основе создания научного исторического текста лежит метод анализа и интерпретации исторических источников исследователем в связи с невозможностью непосредственного наблюдения событий прошедшей социальной реальности, что означает, что конечным продуктом деятельности историка является текст, имеющий автора и, как следствие, характеризующийся некой степенью субъективности. Следует также учитывать, что для осуществления успешной коммуникации между автором научного текста и читателем используется система средств адресации, ориентированная на успешное декодирование читателем авторской интенции. Данная статья рассматривает две лингвистические категории — субъектности и субъективности — участвующие в репрезентации системы средств адресации. На материале англоязычной исторической монографии производится анализ средств актуализации этих категорий в историческом научном тексте с целью доказательства присутствия этих категорий в тексте, а также определения основных тактик и приемов, реализуемых автором текста с помощью категорий субъектности и субъективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научные тексты; критерии научности; исторические тексты; исторические источники; лингвистические категории; субъектность; субъективность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Калинова Елена Викторовна, аспирант 3 года обучения, кафедра английской филологии и лингводидактики Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова; 163000, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17; e-mail: e.kalinova@narfu.ru.

Для гуманитарного знания в целом и исторической науки в частности, некоторым лингвистическим особенностям которой посвящена настоящая работа, характерен особый тип научности, отличный от естественных и технических наук. В XX в. происходит переход гуманитарного знания с эмпирического на теоретический уровень, что подтверждает повышение статуса научности гуманитарного знания, но не ставит его в один ряд с другими сферами науки в виду ряда его особенностей: к примеру, роль субъекта в процессе познания, в определении методологии исследования и оценки его результатов гораздо более заметна в гуманитарном знании. Помимо этого, гуманитарное знание всегда является ценностно-соотнесенным: гуманитарное научное познание характеризуется субъективностью и оценочностью (см.: [Чернявская, Молодых 2014: 147—148]). Наличие этих черт предполагает вариативность интерпретаций одного и того же эмпирического явления и, как следствие, плюрализм точек зрения исследователей на изучаемую проблему. Во-первых, это предполагает возможность обмена точками зрения между исследователями, что может привести к повышению уровня знаний, так как в таком случае «научные соперники не только оспаривают и опровергают, но и взаимно обогащают друг друга» [Согрин 2005: 29]. Во-вторых, таким образом становится проще определить объективную или интерсубъективную составляющую гуманитарного знания: к ней будут относиться наиболее общие черты, встречающиеся ин-

вариантно в подходах различных исследователей.

В отношении исторического знания принципиальный плюрализм означает естественное сосуществование нескольких объяснительных теорий. К примеру, часто выделяется общепринятая, традиционная версия исторической науки, для которой нехарактерна предположительность и неокончателность суждений, и история, осмысляемая «здесь и сейчас», что предполагает наряду с историческим описанием присутствие дискуссионного компонента, оценочных суждений и осмысления событий прошедшей социальной реальности. Такое историческое описание потенциально эвристично: существует большая вероятность его выхода за границы известного, традиционного знания, расширения объективных представлений о действительности. При этом для разграничения альтернативной исторической интерпретации прошедших событий и фальсификации истории необходимо проводить соотнесение фактов и оценок, полученных в ходе такого исторического анализа, с существующими, традиционными фактами и оценками, закрепившимися в исторической науке. Иными словами, научность исторического описания определяется его диалогичностью и плюралистичностью, нашедшими отражение в тексте «не вместо, но вместе с иным взглядом». Реципиент исторического текста должен иметь возможность отграничивать факты от их описания, события прошедшей реальности от их оценки. В случаях, когда границы стираются и

отграничение одного от другого невозможно, возникает манипулятивный эффект.

В ходе языкового манипулирования в сознание индивида под видом объективных сведений неявно внедряется информация, являющаяся желательной для определенных социальных групп, для формирования у реципиента на основе данного содержания мнения, представления о действительности или отношения к ней, максимально близкого к требуемому. Язык в таких случаях используется как инструмент социальной власти, так как он умеет гримировать свои функции, умеет выдать одно за другое, умеет внушать, воздействовать, лжесвидетельствовать (см.: [Гронская 2003: 221]).

Наибольшая опасность лингвистического конструирования прошлого заключается в отсутствии альтернативного представления рассматриваемых событий для широкой общественности, не обладающей специальными знаниями в области истории и, как следствие, выступающей в качестве адресата политического воздействия. Лингвистический анализ дает возможность выявления использования манипулятивных стратегий в процессе исторического описания и противостояния фальсификации истории.

Основной целью научной коммуникации является трансляция новой и актуальной информации о действительности наибольшему количеству заинтересованных читателей, а также доказательство достоверности этой информации. Для реализации этой цели наиболее часто используется письменный научный текст, представляющий собой вербализованное научное знание и обладающий следующими характеристиками: объективностью, категоричностью, обобщенностью, подчеркнутой логичностью, доказательностью, точностью и ясностью [Чернявская 2007: 22].

Настоящая работа выполнена на материале научного исторического текста, который мы понимаем как текст, аккумулирующий и репрезентирующий информацию о прошедшей социальной реальности и выступающей носителем исторической памяти [Лахвицкий 2013: 7], а также соответствующий критериям научности, обозначенным выше.

Тем не менее невозможно добиться абсолютной объективности представляемого научного знания. Принципиальное отличие истории от других наук заключается в том, что объектом изучения историка являются прошедшие события, «прошлая социальная реальность, т. е. человеческие действия и их результаты» [Савельева, Полетаев 2007: 216], которые он не может наблюдать непосредственно, поэтому ему приходится иметь

дело не с действительностью, а с ее репрезентацией в исторических источниках. Следует, однако, учитывать, что тексты являются не единственным источником, с которым имеет дело историк: он также работает с сохранившимися предметами материальной культуры. Объектом гуманитарных исследований является *эмпирическая реальность человеческого мира*, подчеркивающей, таким образом, осмысление истории с точки зрения философии науки.

По мнению О. М. Медушевской, «именно человеческое сознание создает новую структуру эмпирической реальности и, в свою очередь, возникает возможность изучать это сознание опосредованно — через созданные им материальные образы, и история может развиваться как эмпирическая наука. Человеческое сознание („психика в широком смысле“) создает реализованный продукт, который историк изучает как источник своей информации. Его исследовательский путь логичен: он движется от материального образа к интерпретации содержания (методология источниковедения) и далее конструирует историческую реальность, проявившую себя возникновением культурного феномена» (цит. по.: [Румянцева 2009: 20]).

Поэтому мы не утверждаем, что *цель* исторических исследований сводится исключительно к изучению текстов. Однако следует отметить, что *результатом* исторических исследований является анализ и интерпретация историком полученной информации и вербализация проведенного анализа — создание исторического текста, в котором происходит репрезентация исторических событий, т. е. «замещение реального объекта моделью, а именно языковой структурой, текстом, которые выступают в качестве посредника между исследователем и самим объектом познания» [Чернявская, Молодыхенко 2014: 146]. Это еще раз подчеркивает индивидуальный, субъективный характер исторического знания и важность личности историка в процессе исторического познания.

Из сказанного выше становится ясно, что добиться абсолютной объективности научного исторического текста невозможно, так как, с одной стороны, исследователь представляет собственную интерпретацию исторических фактов, подвергшихся анализу, а с другой стороны, он вступает в опосредованную коммуникацию с читателем, используя при этом систему средств адресации, ориентированную на читателя, обладающего способностью декодировать их в тексте [Чернявская 2007: 100].

В данной работе мы рассматриваем две категории — субъектности и субъективности, —

репрезентирующие в текстах обозначенные средства адресации. Для доказательства присутствия этих категорий в историческом научном тексте, а также анализа способов и средств, используемых для их актуализации, было проанализировано 100 страниц монографии Бобо Ло «Russian Foreign Policy in the Post-Soviet Era — Reality, Illusion and Mythmaking» и отобрано 177 контекстов, репрезентирующих указанные категории.

Субъектность, или авторизация, представляет собой категоризацию образа личности, субъекта познания и речи в тексте [Грушевская, Гассий 2013] и представлена, как правило, в метакоммуникативных конструкциях, «в которых автор комментирует и объясняет процесс собственного текстотворчества и последовательность анализа» [Чернявская 2007: 102]. Г. А. Золотова уделила значительное внимание данной категории в ходе исследования вопросов функционального и коммуникативного синтаксиса. Ее суть заключается в том, что «в предложение, содержащее ту или иную информацию об объективной действительности, вводится второй структурно-семантический план, указывающий на субъект, „автора“ восприятия, констатации или оценки явлений действительности, а иногда и на характер восприятия» [Золотова 2007: 263], т. е. рассматриваемая категория находит свое отражение в «полисубъектном осложнении конструкции предложения указанием на „автора“ оценки, восприятия, речи-мысли» [Золотова 2001: 430]. На этом основании можно выделить объективный и субъективированный способы подачи информации, последний характеризуется эксплицитным указанием на субъект речи.

В большинстве случаев категория субъектности актуализирует оппозицию «свой/чужой», в качестве субъекта выступает автор, квалифицирующий информацию, стремящийся выразить свою точку зрения на описываемое явление, событие посредством использования различных лексических маркеров (см.: [Латфулина 2014: 29]).

Среди лингвистов, тем не менее, на данном этапе нет единого мнения относительно статуса категории субъектности: она может рассматриваться как семантическая категория (А. Г. Етко), модусная категория (Г. А. Золотова, Т. В. Шмелева); некоторые исследователи не выделяют ее в качестве отдельной категории, но рассматривают в качестве характеристики модуса (Т. И. Краснова), аспекта предикативности (М. В. Всеволодова), однако признается значимость этого явления в текстообразовании и его прагматический характер.

Следует также учитывать, что изначально категория субъектности рассматривалась в качестве категории, реализуемой в текстах на уровне предложения. Однако текстовый подход к ее изучению позволяет понимать ее более широко в связи с тем, что модусные категории могут изучаться также на уровне фразы или на уровне текста (см.: [Гричин 2010: 5]).

Г. А. Золотова выделяет три основные содержательные разновидности рассматриваемой категории:

1) категория субъектности вводит квалифицирующий субъект, оформляет модели, содержащие оценку, квалификацию предметов, явлений, понятий, событий. Маркерами данной категории выступают аксиологические предикаты (*считать, казаться, think, guess, believe* и т. п.), а также их свернутые аналоги — вводные слова и конструкции типа «по его мнению», «to my mind»;

2) субъектность, создающую модели, оформляющие статические значения наличия предмета/явления, проявления действий или состояний;

3) а также субъектность обнаружения, фокусирующуюся на признаке предмета, обнаруживаемом субъектом (цит. по.: [Сыроватская 2009: 251—252]).

В рамках данной работы особый интерес представляет первая из обозначенных разновидностей, которая актуализируется в рассматриваемом научном тексте, главным образом посредством использования личных местоимений первого лица как единственного числа, так и множественного. Использование местоимения *я* является непосредственной репрезентацией исследователя, в то время как использование местоимения *мы* может быть маркером различных смыслов и служить для:

1) расширенного обозначения отправителя речи, так называемого «мы авторской скромности», традиционно считавшегося наиболее приемлемым способом обозначения субъекта в соответствии с требованием объективности и надличностного изложения [Чернявская 2007: 101];

2) представления информации, мнения или суждения как более объективного, принимаемого как истинное значительной группой исследователей и, как следствие, элиминации личной ответственности автора;

3) обозначения отправителя речи в случаях, когда исследование осуществлялось группой ученых, что является наиболее логичным способом обозначения субъекта в таких работах;

4) обобщенного обозначения отправителя речи вместе с читателем с целью подчерк-

нуть близость их взглядов, точек зрения, ценностей и убеждений.

Для актуализации категории субъектности могут быть также использованы притяжательные местоимения первого лица **my**, **our**, служащие для реализации тех же целей, что и личные местоимения, а также безличное местоимение **one**, служащее для выражения обобщенного, стереотипизированного субъекта с целью обоснования представляемой точки зрения на уровне стереотипного представления, т. е. знания, не нуждающегося в доказательстве.

В результате проведенного текстового анализа было выявлено, что категория субъектности реализована в 12 отобранных контекстах посредством:

- личного местоимения **I** (4 контекста, 33,3 %), например: *I will therefore examine ideas in their own right, identifying five ideological currents: (1) the liberal agenda; (2) the 'imperial syndrome'; (3) 'great power' ideology and the nationalist impulse; (4) the notion of an 'independent' foreign policy; and (5) ideas of foreign policy retrenchment* [Lo 2002: 42];

- личного местоимения **we** в значении обобщенного обозначения отправителя речи (4 контекста, 33,3 %), например: *As we saw in the previous chapter, this was motivated by rational and emotional considerations: on the one hand, a sense that Russia was overdependent on good relations with the West, on the other, a yearning to reaffirm Russian identity and derzhavnost* [Lo 2002: 94];

- притяжательным местоимением **my** (2 контекста, 16,7 %), например: *It is my hope that this book will avoid the worst of these problems by finding an appropriate balance between academic and non-academic material, written and oral* [Lo 2002: 11];

- безличным местоимением **one** (2 контекста, 16,7 %), например: *One emerges with the impression of an artful intellectual game, based not on relevant experience but on the selective use and interpretation of data to fit predetermined patterns and theses — clever in its own fashion, but offering little insight into the way things actually operate* [Lo 2002: 9].

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что категория субъектности является слабо выраженной в научном историческом тексте, а личные местоимения первого лица как единственного, так и множественного числа являются преобладающей формой ее актуализации.

Что касается категории субъективности, то в лингвистике она может пониматься широко как «любое указание на присутствие говорящего или сам акт речи» [Краснова

2002: 17], однако под такое толкование может попадать любое высказывание, так как даже если в речи не происходит эксплицитная актуализация субъекта речи с помощью одного из способов реализации категории субъектности, субъект речи присутствует в высказывании имплицитно. Для проведения лингвистического анализа мы рассматриваем категорию субъективности узко, понимая ее как выражение в речи личностного отношения автора к описываемому факту, событию или явлению.

Интерпретация — один из основных методов исторической науки. Особенность этого метода заключается в том, что, с одной стороны, она опирается на когнитивные механизмы, носящие коллективный характер, а с другой — напрямую связана с индивидуальностью человека и его видением мира. Интерпретация — это «процесс и результаты субъективной репрезентации мира, основанной, с одной стороны, на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним» [Болдырев 2011: 11]. При этом субъективная репрезентация мира историком не является произвольной — она опирается на «культурный дискурс и социальную жизнь, в рамках которых и для которых создается исторический нарратив, в рамках которых любой исторический нарратив оказывает влияние на практические ориентиры жизни общества» [Ruesen 1996] (здесь и далее перевод наш. — Е. К.). Это означает, что когда мы ведем речь о субъективной стороне интерпретации истории, мы имеем в виду интерсубъективную истину, которая позволяет определить, какой вариант интерпретации исторических событий следует принять, а какой отвергнуть. Й. Рюзен видит в плюрализме подходов к интерпретации исторических событий не отказ от объективности в исторической науке, а ее реализацию, так как «историческая интерпретация либо рассматривается сквозь призму различных взглядов, соотносимых с различными идентичностями» [Репина 2008: 17], либо включает их как взаимно дополняющие друг друга.

При этом объектом анализа настоящего исследования выступает научный исторический текст, которому свойственны основные черты научного текста, в том числе и «некатегоричность, т. е. взвешенность и соразмерность оценок» [Чернявская 2007: 23]. Этим утверждением мы хотим подчеркнуть, что не следует полностью отрицать наличие оценки в научном дискурсе в общем и в научном историческом дискурсе в частности, так как дискурс участвует в формировании

гражданской идентичности личности и ценностей реципиента текста, однако, как уже было обозначено выше, оценка, выражаемая в научном дискурсе, не должна быть чрезмерной.

В XX в. академическое сообщество признает, что различные точки зрения, оценка и идеология являются неотъемлемыми составляющими исторического дискурса. М. Фуко считал, что «вербализация или „перевод“ реальности в слова, связана с оценкой; любое слово, любое наименование объекта, любое высказывание оценочно» (цит. по: [Потапова 2015: 155]). Любая номинация выделяет отдельные признаки объекта по отношению к другим, наделяет значение дополнительными коннотациями: «назвать пролив La Manche или назвать English Channel — и мы уже смотрим на воду с разных сторон границы» [Потапова 2015: 141]. В своих работах историкам постоянно приходится выбирать точки зрения.

К. Поппер считал, что любая интерпретация мира является оценочной, уже выбор того, какой лексемой обозначить произошедшее событие, означает его определенную оценку [Потапова 2015: 70]. Таким образом, любая мысль, оформленная вербально, содержит в себе оценочный компонент. Это можно подтвердить идеей выделения в лингвистике «диктума», или объективной части значения, и «модуса», т. е. субъективной оценки говорящего, обусловленной его отношением к сообщаемому, его точкой зрения.

В результате проведенного анализа было выявлено 165 контекстов, в которых происходит актуализация категории субъективности. Следует отметить, что, если маркерами категории субъективности служат отдельные слова, а именно местоимения, то маркеры категории субъективности представлены на различных уровнях: слова, фразы, предложения или части текста. В этой связи средства актуализации этой категории также весьма разнообразны. К ним относятся:

- **авторские комментарии (25 контекстов из 165).** Данное средство представлено на уровне отдельного предложения или части текста (к примеру, абзаца) и представляется собой выражение авторской позиции относительно суждения, факта или события на метатекстовом уровне. В данном случае автор формулирует оценочное суждение относительно события прошедшей социальной реальности посредством использования личных местоимений, определенных синтаксических структур (сложноподчиненные предложения), вводных слов, лексических маркеров: *It was hardly coinci-*

dental that Yeltsin's [1994c, p. 1] warning of a 'cold peace' in Europe should come at the end of a year dominated by acute disagreements with the West over the handling of the Bosnian crisis and NATO enlargement, or that the Kosovo conflict should provoke Ivanov [1999a, p. 2] into claiming that the alliance's military operation against Yugoslavia posed a threat to world order [Lo 2002: 25]. В приведенном контексте авторский комментарий, выражающий оценочное отношение к описываемым событиям прошлого, заключен в главном предложении предложения со сложноподчиненной структурой, являющегося, в соответствии с синтаксическими особенностями английского предложения, темой, в то время как придаточное изъяснительное, детально описывающее фактологическую информацию, является ремой предложения. В языке одной из функций предложения, в том числе и в составе сложного, является передача сообщения, некоторого количества информации адресату, а темо-рематическая организация предложения позволяет расставлять акценты таким образом, как это необходимо автору — «в начале предложения идет та часть, которую говорящий решил выдвинуть на первый план» [Halliday 2014: 89]. Таким образом, основной акцент предложения приходится на авторский комментарий, ядро которого составляет предикативная группа, состоящая из глагола-связки *be*, а также адъективной группы, состоящей из премодификатора *hardly* — наречия-усилителя с характерной персуазивной модальностью и прилагательного *coincidental*, убеждающая читателя в том, что описанное событие произошло не случайно, а, напротив, было тщательно спланировано властями;

- **семантически сильные лексические элементы (89 контекстов из 165).** Данное средство актуализации категории субъективности представлено на уровне слова. Использование неожиданно семантически сильных лексических элементов в научном тексте способствует созданию эффекта иррадации. В отобранных контекстах, характеризующихся наличием оценочной модальности, она заключается в высказывании в целом, а не в его отдельных элементах. В них семантически сильные лексические элементы характеризуются наличием общего семантического элемента «создание»: *to create, vision, illusion, fashion, etc.* Автор использует их для разграничения исторических фактов и вымысла, реальности и иллюзии, как заявлено в названии его работы: *All governments to a greater or lesser extent indulge in **creative mythmaking and illusions**, and in Russia this was raised almost to an **art form** during the*

Soviet era [Lo 2002: 5] — в данном примере, наряду с обозначенными лексическими единицами, используется местоимение *all* для генерализации и стереотипизации поведения правительственных органов, а также противопоставление российского правительства всем остальным для его демонизации. Такая стратегия позволяет автору добиться признания своей точки зрения как истинной, не прибегая при этом к научной аргументации, но оперируя лишь доступными ему лингвистическими средствами;

- **наречия (46 контекстов из 165).** Данное средство также представлено на уровне отдельного слова и служит для эмпатизации приводимого суждения: *In this climate, policy-making became **overwhelmingly** reactive and vulnerable to dealmaking* [Lo 2002: 6]. *The last section focuses on three aspects of this dimension: the relations of conflict and cooperation between institutional actors; the **disproportionately** large role of personal factors and relationships in shaping policy; and the mechanics and structures of foreign policy coordination* [Lo 2002: 13]. Такие наречия являются модальными и делают высказывание оценочным, в приведенных примерах выделенные наречия относятся к типу «комментарий» (см. [Halliday 2014: 420]), т. е. служат для выражения авторского отношения к описываемым событиям, фактам, явлениям, и это подтверждает тезис о том, что они являются средством актуализации категории субъективности;

- **устойчивые выражения (14 контекстов из 165).** Будем считать данное средство маркером, представленным на уровне слова или сложного слова, так как семантически фразеологизм представляет собой неделимое целое, хотя план выражения такого языкового знака соответствует фразе или целому предложению. Использование фразеологизмов в научном тексте в связи с их семантическими особенностями, а также принципами построения научного текста говорит об актуализации категории субъективности и выражении автором собственного отношения, за исключением, пожалуй, цитат, в которых авторское отношение находит отражение лишь косвенно. В отобранных контекстах фразеологизмы используются автором исключительно для выражения отрицательного отношения к описываемым событиям прошедшей социальной реальности: *Similarly, during the Kosovo crisis, Moscow pursued a consistently Americacentric line in the conviction that Washington — not London, Paris or Bonn — **called the shots*** [Lo 2002: 24] — сам по себе фразеологизм *to call the shots* не несет в себе негативной оценки,

однако в данном контексте он является таковым, представляя видение Вашингтона Москвой, демонизируя США и оправдывая действия российской стороны. В примере *On the other hand, his personal style had many negatives, the most serious of which arose from his **divide-and-rule** approach to power* [Lo 2002: 35] использован фразеологизм *to divide and rule*, выражающий отрицательную оценку, так как такое поведение предполагает провокацию конфликтов среди своих оппонентов, их ослабление не в открытом противостоянии, а иными путями, порицаемыми в обществе;

- **генерализация/стереотипизация (15 контекстов из 165).** Данное средство можно пронаблюдать на уровне предложения или части текста. Рассматриваемый прием обобщения используется в качестве ненаучной аргументации: автор использует стереотипные представления, а не аргументированные доказательства для представления своей точки зрения как истинной: ***One of the most common official clichés** of the Yeltsin period was the notion that Russian foreign policy was 'presidential'* [Lo 2002: 36]; ***Of all the post-Soviet ideological trends, it was the most popular and influential, and formed the basis of what many commentators have described as the consensus that emerged from 1993*** [Lo 2002: 57]. Для реализации генерализации в тексте обычно используются такие средства, как местоимение *all*, прилагательные *common, typical, widespread*, конструкция *one of*. Использование этих средств позволяет провести четкую границу между типичным и нетипичным, нормальным и ненормальным, приемлемым и неприемлемым, основываясь не на логических доказательствах и доводах, а на стереотипных представлениях, укоренившихся в сознании представителей определенной культуры или социальной группы. Использование такого приема является полезным в ходе применения манипулятивных стратегий, так как затрагивает ценности, понятия и установки, разделяемые читателем, апеллирует к его бытовому сознанию, а не критическому мышлению, поскольку имеет формальные сходства с достаточно аргументированным тезисом;

- **антитеза (11 контекстов из 165).** Данное средство также реализуется как на уровне предложения, так и на уровне части текста. Использование антитезы позволяет расставить акценты, противопоставляя хорошее и плохое, правильное и неправильное во внешней политике постсоветской России. Данный прием также может опираться на использование закрепленных в обществе

стереотипов или предлагать новые оценки и ценности: *It was, for example, hardly coincidental that Primakov replaced Kozyrev six months before the 1996 Presidential elections. In the circumstances of the forthcoming struggle between the forces of democratic 'light' and Communist 'darkness', the Yeltsin administration was anxious to remove one potentially significant variable by 'depoliticizing' foreign policy* [Lo 2002: 28]. В данном примере проводится традиционное противопоставление света и тьмы, которое является репрезентацией фундаментального конфликта добра и зла. Демократия позиционируется как «свет», «добро», а коммунизм — как «тьма», «зло» соответственно, однако не приводятся аргументы, позволяющие провести такую четкую и однозначную границу. В данном случае, как и в случае обобщения и обращения к стереотипным представлениям, автору текста не обязательно приводить доводы, полноценно аргументирующие его позицию, достаточно лишь доступных ему лингвистических средств для апелляции к бытовому сознанию, сложившимся представлениям и установкам читателя, но не к критическому мышлению и анализу;

• **графические средства (88 контекстов из 165).** Данное средство представлено в тексте посредством использования кавычек и курсива. Выделенными являются отдельные слова или целые фразы. Целью использования графических средств является выражение пренебрежительного и отрицательного отношения к описываемому явлению, указание на то, что в реальности мы могли наблюдать нечто, прямо противоположное описанному. Также автор использует прием графического выделения с помощью кавычек для включения цитат и авторских терминов в прямом значении в текст работы. Такие примеры не вошли в число отобранных нами контекстов: *Driven by a kto kogo ('who wins over whom') mentality in which for every winner there must be a loser, zero-sum equations were crucial in shaping Moscow's approach towards a whole range of issues: NATO enlargement, Iraq, Kosovo, strategic missile defence. If zero-sum was the 'soul' of geopolitics, then balance-of-power notions supplied its flesh and bones* [Lo 2002: 99]. Использование курсива в данном случае (в публикации заменен полужирным начертанием) сочетается с транслитерацией русского выражения, сопровождающейся переводом на английский язык. Благодаря использованию данных средств автор акцентирует внимание на некоторых стереотипных особенностях русской ментальности (упрямство, неготовность к поиску и принятию компромисса, сила,

агрессивность и даже враждебность), что в контексте анализа внешней политики России выражает отрицательное отношение автора к используемым российским правительством стратегиям, тактикам и приемам.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что маркеры категории субъективности являются более частотными, чем маркеры категории субъектности, в научном историческом тексте, а также более вариативными. Было установлено, что некоторые средства актуализации категории субъективности участвуют в обеспечении когерентности текста (к примеру, антитеза). Тем не менее сложно с уверенностью сказать, какое из рассмотренных нами средств является наиболее частотным, так как в значительной части из рассмотренных 165 контекстов присутствуют одновременно два и более средства актуализации рассматриваемой категории.

Проведенный лингвистический анализ научного исторического текста показал, что категории субъектности и субъективности представлены в тексте, однако частотность маркеров этих категорий в тексте не является чрезмерной, т. е. можно говорить о принадлежности данного текста к научному дискурсу, а также о его объективности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырев Н. Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестн. ТГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2011. Вып. 1 (93). С. 9—16.
2. Гричин С. В. Текстостроительная функция авторизации // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 4 (12). — С. 5—14.
3. Гронская Н. Э. Языковые механизмы манипулирования массовым политическим сознанием // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Международные отношения, политология, регионоведение. 2003. № 1. С. 220—231.
4. Грушевская Т. М., Гассий Т. И. Политический газетный текст через призму маркеров субъектности // Вестн. Адыгейск. гос. ун-та. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2013. № 3 (126). С. 38—41.
5. Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. — М.: КомКнига, 2007. 350 с.
6. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. 435 с.
7. Краснова Т. И. Субъективность — Модальность (материалы активной грамматики). — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2002. 189 с.
8. Лахвицкий А. Н. Исторический текст как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. — Саратов, 2013. 17 с.
9. Латфулина З. Р. Модусные показатели диалектного высказывания: авторизация и персуазивность // Вестн. Том. гос. ун-та. 2014. № 380. С. 29—33.
10. Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии: учеб. пособие. — СПб.: Изд-во Европейск. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 380 с.
11. Репина Л. П. «Вызов и ответ»: перспективы исторической науки в начале нового тысячелетия // Ейдос: альманах теорії та історії історичної науки. — Київ: Інститут історії України НАН України. 2008. Вип. 3. С. 11—26.
12. Румянцева М. Ф. Феноменологическая концепция источниковедения в интерпретации Ольги Михайловны Медушевской // Вестн. РГГУ. Сер.: История. Филология. Культур-

рология. Востоковедение. 2009. № 4. С. 12—22.

13. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания : учеб. пособие. — СПб. : Алетей. Историческая книга, 2007. 523 с.

14. Соргин В. В. 1985—2005 гг.: перипетии историографического плюрализма // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 20—34.

15. Сыроватская Н. С. Авторизация: проблемы определения и научного описания на уровне предложения и текста // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 250—256.

16. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста : учеб. пособие. Изд. 4-е. — М. : Изд-во ЛКИ, 2007. 128 с.

17. Чернявская В. Е., Молодыхенко Е. Н. История в дискурсе политики: лингвистический образ «своих» и чужих». —

М. : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

18. Чернявская В. Е. Прошлое как текстовая реальность: методологические возможности лингвистического анализа исторического нарратива // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2016. Вып. 3 (41). С. 76—87.

19. Lo B. Russian foreign policy in the post-Soviet era: reality, illusion and mythmaking. — New York : Palgrave Macmillan, 2002. 223 p.

20. Halliday M. A. K. Introduction to Functional Grammar. Fourth ed. — Oxon : Routledge, 2014. 786 p.

21. Ruesen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation (Rice Univ. (USA), March 15—17, 1996). URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 23.06.2016).

E. V. Kalinova

Arkhangelsk, Russia

CATEGORIES OF SUBJECT AND SUBJECTIVITY ACTUALIZATION MEANS IN HISTORICAL TEXT (FOUND IN THE MONOGRAPH BY BOBO LO "RUSSIAN FOREIGN POLICY IN THE POST-SOVIET ERA – REALITY, ILLUSION AND MYTHMAKING")

ABSTRACT. *Both human sciences and, in particular, history pluralism lead to discussions upon their scientific status and objectivity. Though there exist criteria proving that the text belongs to the scientific style, it is still hard to speak about absolute objectivity of such texts. This idea is based on the fact that while writing a scientific historical text, an author analyses and interprets the information obtained from historical sources because it is impossible to observe the past directly. It means that the result of such work is a text which has an author and, consequently, can be described as subjective to a certain extent. It also should be noted that the author uses an addressing means system to establish successful communication between the author and the reader. This article is focused on two linguistic categories — the categories of subject and subjectivity — which represent the addressing means system. The historical monograph analysis allows to enlist the markers by means of which these categories are actualized in the scientific historical text to prove that these categories can be found in such texts and to define main tactics and techniques included by the author into the text with the help of these categories.*

KEYWORDS: *scientific texts; scientificity criteria; historical texts; historical sources; linguistic categories; subjectivity.*

ABOUT THE AUTHOR: *Kalinova Elena Viktorovna, Post-graduate Student, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia.*

REFERENCES

1. Boldyrev N. N. Rol' interpretiruyushchey funktsii v formirovaniy yazykovykh kategoriy // Vestn. TGU. Ser.: Gumanitarnye nauki. 2011. Vyp. 1 (93). S. 9—16.

2. Grichin S. V. Tekstostroitel'naya funktsiya avtorizatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2010. — № 4 (12). — С. 5—14.

3. Koskaya N. E. Yazykovye mekhanizmy manipulirovaniya massovym politicheskim soznaniem // Vestn. Nizhegorod. un-ta im. N. I. Lobachevskogo. Ser.: Mezhdunarodnye otnosheniya, politologiya, regionovedenie. 2003. № 1. S. 220—231.

4. Grushvskaya T. M., Gassiy T. I. Politicheskii gazetnyy tekst cherez prizmu markerov sub'ektivnosti // Vestn. Adygeysk. gos. un-ta. Ser. 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2013. № 3 (126). S. 38—41.

5. Zolotova G. A. Ocherk funktsional'nogo sintaksisa russkogo yazyka. — М. : KomKniga, 2007. 350 s.

6. Zolotova G. A. Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo sintaksisa. — М. : Editorial URSS, 2001. 435 s.

7. Krasnova T. I. Sub'ektivnost' — Modal'nost' (materialy aktivnoy grammatiki). — SPb. : Izd-vo SPbGUEF, 2002. 189 s.

8. Lakhvitskiy A. N. Istoricheskiy tekst kak sotsial'nyy fenomen : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. — Saratov, 2013. 17 s.

9. Latfulina Z. R. Modusnye pokazateli dialektnogo vyskazyvaniya: avtorizatsiya i persuzivnost' // Vestn. Tom. gos. un-ta. 2014. № 380. S. 29—33.

10. Potapova N. D. Lingvisticheskiy povорот v istoriografii : ucheb. posobie. — SPb. : Izd-vo Evropeysk. un-ta v Sankt-Peterburge, 2015. 380 s.

11. Repina L. P. «Vyzov i otvet»: perspektivy istoricheskoy nauki v nachale novogo tysyacheletiya // Eydos : al'manakh teorii ta istorii istorichnoi nauki. — Kiiv : Institut istorii Ukraini NAN Ukraini. 2008. Vip. 3. S. 11—26.

12. Rumyantseva M. F. Fenomenologicheskaya kontseptsiya istochnikovedeniya v interpretatsii Ol'gi Mikhaylovny Medushevskoy // Vestn. RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie. 2009. № 4. S. 12—22.

13. Savel'eva I. M., Poletaev A. V. Teoriya istoricheskogo znaniya : ucheb. posobie. — SPb. : Aleteya. Istoricheskaya kniga, 2007. 523 s.

14. Sogrin V. V. 1985—2005 gg.: peripetii istoriograficheskogo plyuralizma // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2005. № 1. S. 20—34.

15. Syrovatskaya N. S. Avtorizatsiya: problemy opredeleniya i nauchnogo opisaniya na urovne predlozheniya i teksta // Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena. 2009. № 89. S. 250—256.

16. Chernyavskaya V. E. Interpretatsiya nauchnogo teksta : ucheb. posobie. Izd. 4-e. — М. : Izd-vo LKI, 2007. 128 s.

17. Chernyavskaya V. E., Molodychenko E. N. Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz «svoikh» i chuzhikh». — М. : ЛЕНАНД, 2014. 200 с.

18. Chernyavskaya V. E. Proshloe kak tekstovaya real'nost': metodologicheskie vozmozhnosti lingvisticheskogo analiza istoricheskogo narrativа // Vestn. Tom. gos. un-ta. Filologiya. 2016. Vyp. 3 (41). S. 76—87.

19. Lo B. Russian foreign policy in the post-Soviet era: reality, illusion and mythmaking. — New York : Palgrave Macmillan, 2002. 223 p.

20. Halliday M. A. K. Introduction to Functional Grammar. Fourth ed. — Oxon : Routledge, 2014. 786 p.

21. Ruesen J. Narrativity and Objectivity in Historical Studies // Symposium: History and the Limits of Interpretation (Rice Univ. (USA), March 15—17, 1996). URL: http://cohesion.rice.edu/humanities/csc/conferences.cfm?doc_id=369 (date of access: 23.06.2016).

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, доц. Л. Ю. Щипицина.